

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

Л.Э. Крыштон

ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ЕЕ ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ*

Рецензия на книгу:

Шохин В.К. Философия практического разума. Агатологический проект. СПб.: Владимир Даль, 2020. 421 с.

Крыштон Людмила Эдуардовна – доктор философских наук, доцент. Российский университет дружбы народов. Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; e-mail: krysh-top-le@rudn.ru

Рецензируется монография В.К. Шохина «Философия практического разума. Агатологический проект», вышедшая в 2020 г. в издательстве «Владимир Даль». В рецензии рассматривается актуальное состояние исследований в области практической философии. Отмечается, что практическая философия сегодня погружена в глубокий кризис, связанный с отсутствием фундаментальных исследований, посвященных прояснению ее оснований и структуры. Рецензируемая монография выступает в качестве своевременного восполнения этого явного пробела в исследованиях из области практической философии. В рецензии освещается структура монографии, ее основные идеи и положения, выводы, к которым приходит В.К. Шохин. Подробно рассматриваются положительные стороны работы, обращается внимание на универсальность и фундаментальность исследования, на масштабность поставленных автором задач, находящихся в целом свое решение. Особым образом подчеркивается основательность историко-философской части исследования, посвященного рассмотрению не только основных представителей западной философии, но также древнеиндийским и древнекитайским философским воззрениям. Высказываются некоторые полемические замечания и пожелания, относительно дальнейшего развития исследований автора в этой области. Отмечается, что исследование будет интересно не только узкому кругу специалистов в области этики, но и более широкому кругу читателей.

Ключевые слова: Шохин, «Философия практического разума», практическая философия, этика, агатологический проект, благо, блага

Для цитирования: *Крыштон Л.Э.* Практическая философия: ее прошлое и настоящее // Философский журнал / Philosophy Journal. 2021. Т. 14. № 3. С. 174–183.

* Работа подготовлена при поддержке Мегагранта Минобрнауки (VIII очередь) № 075-15-2021-603 «Разработка методологии и интеллектуальной базы нового поколения по изучению индийской философии в ее соотношении с другими ведущими философскими традициями Евразии».

С самого начала следует отметить, что рецензируемая монография представляет собой фундаментальное теоретическое исследование, впечатляющее своей глубиной и основательностью и примечательное сразу по многим причинам, на некоторые из которых хотелось бы обратить более пристальное внимание.

Пожалуй, лучшим началом для освещения основных положений и примечательных свойств данной монографии будет упоминание того, что такого рода исследования как по стилю и содержанию, так и по характеру поставленных автором задач являются редкостью, что не может не вызывать огромного сожаления. Так называемая “практическая философия”, некогда занимавшая умы великих мыслителей, ценимая наравне и даже временами предпочитаемая “философии теоретической” сегодня переживает явный кризис своих оснований и своей самоидентификации. Проявления этого весьма многочисленны. Но, пожалуй, наиболее ярким отражением этого кризиса можно считать тот факт, что собственно «практической философии» как таковой, ее сущности и структуре сегодня уделяется крайне мало внимания. И это неудивительно, так как и само слово сегодня уже скорее относится к давно устаревшим, «не модным» и давно сдано «в архив». Да и что оно должно означать? Даже на этот вопрос сегодня сложно дать какой-то однозначный ответ. Конечно, мы можем здесь вспоминать определения (эксплицитные или имплицитные), даваемые когда-то этому явлению Аристотелем да Кантом. Но ведь это уже тоже глубокая древность, которая может интересовать разве что некоторых историков философии, но мало чем может заинтересовать «подлинных» исследователей философии, призванных осмысливать актуальные проблемы современности, к которым «практическая философия», как можно без труда понять, по негласно устоявшемуся мнению, уже давно не относится.

В итоге, мы находим сегодня великое разнообразие исследований, посвященных разным сферам, традиционно относящимся к философии практической, но разнообразие это весьма специфично и несет на себе явную печать отсутствия собственно глубокой теоретической рефлексии и саморефлексии. Особенно эта деградация (а с позиции автора рассматриваемой монографии это именно она) бросается в глаза в сфере этики, которой сфера практической философии никогда не исчерпывалась, но которая всегда и несомненно рассматривалась как ее ядро. Здесь отмечаемое нами разнообразие современных исследований легко можно разделить на два класса.

Первый класс – это исследования в полной мере историко-философские, рассматривающие отдельные этические концепции (или даже отдельные их фрагменты) отдельных эпох и отдельных мыслителей, иногда пытающиеся проводить отдельные взаимосвязи с более широким контекстом, а иногда даже и нет, ограничиваясь только одним ими выбранным для исследования аспектом развития философской мысли. В подавляющем большинстве случаев такого рода историко-философские штудии так и остаются только лишь историко-философскими, усматривая ценность в самом прояснении некоторых этапов развития философской мысли ради самого этого прояснения. Именно такое понимание истории философии как чистой реконструкции в конечном итоге стяжает ей сегодня дурную славу совершенно «архивной» и крайне узконаправленной дисциплины среди исследователей всех иных философских дисциплин (и даже иногда и среди самих же историков философии). Однако развитие этой линии привело бы нас к рассмотрению кризиса

уже в самой историко-философской науке, о котором применительно к нашему отечественному исследовательскому пространству еще в 2004 г. писал В. Куренной¹ и рассмотрение которого не входит в цели данной рецензии. Но важно подчеркнуть, что такого рода исследования нередко так и не выходят на уровень прояснения фундаментальных оснований практической философии в лице самой этики, а уж тем более не затрагивают вопросов того, каким образом этика связана с другими сферами практической философии (и связана ли вообще) и в итоге оказываются хоть и теоретическими в смысле оторванности от реальной жизненной практики, но равным образом и слишком далеко отстоящими от решения (или хотя бы попытки такового) по-настоящему теоретических проблем.

Второй класс исследований в области этики еще более примечателен, еще более популярен (и вследствие этого объемов как по количеству ежегодно выходящих наименований, так и по количеству ежегодно продуцируемых в этой рубрике страниц) и еще более деструктивен для развития «практической философии» как таковой. Речь идет об исследованиях из области так называемой прикладной этики всех мастей и отраслей. Безусловно, этому классу исследований не удастся поставить в вину теоретичность, понимаемую как оторванность от жизненной практики, и утрату связей с другими отраслями практической философии (и прежде всего, с правом). Но, тем не менее, приходится констатировать, что под воздействием этого все нарастающего роста популярности «прикладного» у нас остается не только все меньше и меньше от практической философии (во всей ее былой полноте и величии), но и от собственно этики (в ее традиционном понимании), на что в свою очередь автор «Философии практического разума» также обращает внимание читателей: даже в деонтологизме размышления об этическом все больше подменяются размышлениями о юридическом, а размышления о долге все больше заменяются калькуляцией более понятных современному человеку и привычных для современного дискурса прав и обязанностей (с. 6, 321, 370 и др.). Но как известно, прикладное на то и прикладное, что подразумевает под собой определенное фундаментальное, которое в свою очередь в этом прикладном и прикладывается к чему бы то ни было. Когда же прикладное само себе становится самоцелью и вместе с тем и самому себе фундаментом, то от такого положения дел ничего перспективного ожидать не приходится. Так же как и депозит в банке, если с него лишь снимать, но ничего к нему не добавлять, рано или поздно исчерпается, так и современная ориентированная на прикладывание некогда достигнутых теоретических успехов «практическая философия» явным образом нуждается хоть в некоторых, пускай и крайне редких, восполнениях. И представленное исследование В.К. Шохина как раз вполне может претендовать на статус такого рода «восполнения», в чем, на наш взгляд, и заключается главная его заслуга.

Еще одним важным достоинством работы является ее серьезная историко-философская фундированность. Несмотря на фундаментальность теоретических целей, преследуемых автором, он не бросается с головой в неспокойное море собственных теоретических построений, а предпочитает прежде исследовать, кто из предшествующих мыслителей и что до него уже

¹ См.: Куренной В.А. Заметки о некоторых проблемах современной отечественной истории философии // Логос. 2004. № 3–4 (43). С. 3–29.

построил или по крайней мере пытался построить. Этот подход безусловно является похвальным, в том числе и из-за своей редкости уже не только в наши дни, но и в прошлом. По справедливому замечанию автора, философии (особенно новой) свойственно впадать в «амнезию» (с. 58)², приводящую нередко к малоценным «изобретениям велосипеда» и проявляющуюся в том, что «каждый следующий “колумб” не хотел ничего знать об опередивших его “викингах”» (с. 54). В связи с этим особым образом хотелось бы отметить, что данное исследование лишено какого-либо намека на «нового колумба» и в нем читатель найдет не только ссылки, но и подробные рассуждения предшествующих попыток построения «агатологии» (в лице этики благ Ф. Шлейермахера и предшествующих проектов И.Г.Г. Федера и К.Ф. Аммона), равно как и некоторых современных подступов к ней³. Сам автор прямо указывает в этой связи на свершившееся в нем изменение взгляда на роль исторического в философии, которое теперь, по его мнению, должно предшествовать логическому (с. 9), и в этом видит существеннейшее отличие его настоящей работы от предыдущей, посвященной той же проблематике⁴. Можно лишь отметить, что, на наш взгляд, от этого «агато-логический проект» только выиграл.

Монография имеет прозрачную, логически выстроенную структуру и делится на три смысловых блока. В первой части («Пролегомены») затрагиваются проблемы предметной структуризации философии, рассматривается современное положение дел, отмечается ее кризис, который автор связывает с отсутствием теоретической рефлексии, сопровождаемым «бездумным насаживанием деревьев», из-за которого деградирует лес (с. 13), и с умножением в геометрической пропорции «философий родительного падежа» (с. 17). Здесь же читатель найдет краткий обзор понимания практической философии от Античности до XX в. (с. 19–49). Пожалуй, единственным недостатком этого раздела можно считать некоторые повторы, которые практически дословно встраиваются затем в третью часть монографии. Однако ввиду их немногочисленности (и с учетом большого объема всей монографии) такой недостаток вряд ли можно считать существенным.

Вторая часть («История») является наиболее объемной и представляет собой подробный историко-философский экскурс в развитие понятия блага/благ от глубокой древности до начала XIX в. Этот раздел поражает своей основательностью и вместе с тем широтой охвата: автор не останавливается на рассмотрении только лишь европейской цивилизации, но включает также и философские традиции Древней Индии и Китая. В то же время в рассмотрении материала отмечается некоторая непропорциональность. Основной акцент делается все же на рассмотрении двух основных этических парадигм – аристотелевской и кантовской, другие же концепции (в том числе древнеиндийские и древнекитайские) присутствуют скорее в целях

² См.: Шохин В.К. Философия практического разума. М., 2020. С. 58. Здесь и далее в основном тексте будут указывать страницы данной работы без полного указания ее выходных данных.

³ См.: Delcomminette S. Le Philebe de Platon: introduction à l'agathologie platonicienne. Leiden; Boston, 2006; Salamon J. Atheism and Agatheism in the Global Ethical Discourse: Reply to Millican and Thornhill-Miller // European Journal for Philosophy of Religion. 2015. Vol. 4. P. 197–245; Idem. Agatheology and naturalisation of the discourse on evil // International Journal of Philosophy and Theology. 2017. Vol. 78. No. 4–5. P. 469–484.

⁴ См.: Шохин В.К. Агатология: современность и классика. М., 2014.

дополнения и без того прекрасной и слаженной картины некоторыми в целом малозначительными деталями. Однако эта ситуация находит свое объяснение в самой «сути дела» и «внутренней логике» рассмотрения. Из общей хронологии немного выбивается раздел, посвященный агатологии И. Федерера (1740–1821) и К. Аммона (1766–1850), помещенный в самом конце данной второй части. Еще больше удивляет небольшой историко-философский экскурс в протестантскую антропологию, которую автор и вовсе решает вынести в самый конец монографии (с. 385–392). Раздел этот подменяет собой заключение, однако по своему содержанию не может претендовать на подведение каких-либо итогов, так как представляет собой освящение лишь отдельных (пусть и достаточно значимых) аспектов протестантской мысли, хотя и имеющих отношение к рассматриваемой проблематике блага, но скорее косвенное, нежели прямое. Этот раздел, как содержательно, так и хронологически, лучше смотрелся бы в главе, посвященной рассмотрению средневековой философии и христианскому видению блага, или и вовсе мог бы быть опущен, от чего, как кажется, монография не слишком много потеряла бы.

Третья часть («Теория») окончательно проясняет собственную авторскую позицию. Она по праву может считаться наиболее концептуальной и, на наш взгляд, наиболее интересна. В то же время автор и здесь не пускается в построение замков своих собственных спекуляций, а сопровождает свое рассуждение подробными изложениями позиций современных философов на основе первоисточников и подробного анализа исследовательской литературы (по большей части, мало известной и мало доступной в России). Все это помогает четко очертить контуры собственно авторского взгляда на современное положение дел в такой области практической философии, как этика. Если попытаться кратко выразить основной вывод данной части, то, наверное, не было бы слишком сильным упрощением сказать, что к подробно разбираемым трем парадигмам – деонтологизм, консеквенциализм и этика добродетелей – вполне могла бы быть добавлена четвертая программа – агатологическая (с. 353–375).

Несмотря на множество достоинств (а возможно, именно благодаря им), исследование вызывает также и ряд полемических соображений и замечаний. Упомянем лишь некоторые из них. Одним из ключевых положений анализа кантовской этической системы оказывается вывод о том, что центральное место в ней занимает долг (с чем самим по себе сложно поспорить), который вымещает понятие блага. Именно Канту В.К. Шохин приписывает сомнительную, с его точки зрения, заслугу в том, что было «положено начало дистанцированию блага от конечных оснований нравственности, которые очень многие стали видеть лишь в следовании закону и соответствующих максимах» (с. 277). К этой же теме дистанцирования от блага, которые только и могут обозначать цель добродетелей и любой деятельности, автор возвращается уже в третьей части, тематизируя проблему так называемого «топора Канта»⁵. Ссылаясь на печально известные примеры нацистов

⁵ Это название, становящееся в последнее время все более популярным, используется для лаконичного обозначения ситуации, описываемой Кантом в статье «О мнимом праведстве из человеколюбия» (1797). Мораль приводимой там Кантом истории такова, что даже если у Вас в доме скрывается Ваш друг, за которым гонится злоумышленник с целью его убить, на прямой вопрос этого злоумышленника о том, находится ли друг в Вашем доме, Вы должны ответить правду и ничего, кроме правды (т.е., по сути, своего друга злоумышленнику выдать), так как ложь противоречит повелениям категорического

(и ряд других), В.К. Шохин утверждает, что «аккуратное следование долгу иногда может быть нравственно омерзительным» (с. 371), что происходит именно потому, что в кантовской этике уже в значительной степени утрачивается телеологическая перспектива. Однако с этим последним как раз и можно поспорить.

Обвинения кантовской этики в аморальности на основе печально известной статьи «О мнимом праве лгать из человеколюбия» действительно можно услышать нередко. Однако они свидетельствуют о достаточно поверхностном прочтении кантовских текстов ввиду того, что исключают из рассмотрения эту самую «телеологическую» перспективу ориентации на некую идеальную систему, в кантовской философии заявленную еще в первой «Критике» и планомерно развиваемую в последующих критических сочинениях. Этой идеальной моделью является «система вознаграждающей себя самой моральности», в которой нравственность «неразрывно связана с системой блаженства», так как в ней «свобода, отчасти движимая нравственными законами, отчасти ограничиваемая [ими], сама была бы причиной всеобщего блаженства»⁶. Этот идеал высшего блага является важным (но нередко недооцениваемым) аспектом этической системы Канта. И в свете этого кантовского идеала, способствовать достижению которого и предписывает каждому индивиду моральный закон⁷, ситуация «топора Канта» получает совершенно иное прочтение. Если бы мир был идеален, в нем не было бы необходимости размышлять о том, какие последствия были бы от лжи злоумышленнику, так как никаких злоумышленников не было бы. Но поскольку мир неидеален, каждый из людей обязан хотя бы со своей стороны максимально способствовать приближению этого идеала. Таким образом, запрет лгать (даже в том случае, когда правда чревата смертью друга от рук злоумышленника) обусловлен тем, что ложь (даже в благих намерениях) отдаляет мир от этого идеального состояния, тогда как правда (пусть и незначительно) это идеальное состояние приближает. Соглашаться или не соглашаться с Кантом – дело индивидуальное. Однако сложно найти более выраженную телеологическую перспективу ориентации на благо (в варианте высшего универсализированного блага).

Всяческих похвал заслуживает акцентирование внимания и подробное рассмотрение различия двух немецких понятий – *Wohl* и *Gut* – у Канта. Однако складывается впечатление, что это разделение полагается автором

императива. Обосновывает Кант такую позицию тем, что если Вы солжете, то за все последствия нести ответственность будете именно Вы, какими бы драматичными они ни были. А мы действительно можем предположить весьма драматичное развитие сюжета (что и делает сам Кант), например, пока Вы говорили со злоумышленником, друг Ваш мог за это время из Вашего дома уже сбежать, а злоумышленник, поверив, что его в Вашем доме нет, продолжит свои поиски в других местах, и, можно предположить, что злоумышленник таким образом его где-то в другом месте действительно найдет и убьет, и все это, по Канту, будет Ваша вина, как человека, нарушившего предписания морального закона. Если же Вы скажете правду и злоумышленник Вашего друга убьет, то это в таком случае не будет Ваша вина, так как Вы со своей стороны следовали моральному закону и не несете ответственности за несовершенство мира, обусловленное неморальными поступками других людей (см.: Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. М., 1994. С. 256–262).

⁶ Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. С. 474.

⁷ См.: Кант И. Критика практического разума // Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 4. М., 1994. С. 505.

рецензируемой книги неким кантовским изобретением, на которое в дальнейшем опирались последующие мыслители (с. 286, 290–291), что как минимум заслуживает более детального исследования, так как слово *Wohl* не является по факту каким-то особым термином кантовской философии и употреблялось и до него.

Крайне интересен раздел, посвященный агатологии Кристофа Аммона. Но кажется, было бы оправданным уделить ему несколько большее внимание, более четко обозначив преемственность его мысли с кантовской, так как многие аспекты его взглядов могут расцениваться как своего рода перепевы кантовских, хотя, порой, и очень оригинальные. Так, например, интересным представляется оставшаяся без дальнейшего развития идея Аммона о представлении Бога как первоблага, от которого другие блага производятся путем его ограничения. За этим явным образом прослеживается комбинация двух встречающихся в кантовской философии парадигм рассмотрения Бога. С одной стороны, Бог у Канта предстает как некое высшее первоначальное благо, являющееся основой для высшего производного блага (морального мира), таким образом, что идеал высшего блага, о котором достаточно подробно говорится в рецензируемой монографии, может рассматриваться как идея Бога как «такого мыслящего существа, в котором морально совершеннейшая воля, связанная с высшим блаженством, составляет причину всякого блаженства в мире, поскольку оно находится в точном соотношении с нравственностью (как достоинством счастья)»⁸. С другой стороны, Бог в рамках теоретической философии Канта предстает как трансцендентальный идеал и воспринимается как первооснова и условие возможности всех вещей, так как любая вещь, по сути, может быть представлена как большее или меньшее ограничение этой первоосновы – Бога, понимаемого как совокупность всего возможного⁹. Более подробное рассмотрение данных аспектов философских взглядов Аммона не только украсило бы работу с историко-философской точки зрения (особенно принимая во внимание малую известность данного мыслителя в отечественном исследовательском пространстве), но и было бы способно если не опровергнуть, то по крайней мере внести существенные коррективы в выдвигаемый автором монографии тезис о том, что «Аммон предлагает, по существу, свою версию этикотеологии, в целом альтернативную кантовской» (с. 307), так как при ближайшем рассмотрении от «альтернативности» взглядов Аммона в сравнении с кантовскими и их оригинальности остается, как кажется, не так уж и много.

Равным образом остается лишь сожалеть, что в столь добротном со многих точек зрения исследовании была обойдена вниманием фигура немецкого просветителя Хр.А. Крузия (1715–1775). Этот мыслитель хорошо вписался бы в размышление о благе и благах по многим причинам, но, в частности, и потому, что указывал на наличие круга в вольфианском определении блага через совершенство (на что указывается и в рецензируемой книге на с. 327)¹⁰. Не менее интересным является предлагаемое Крузием разделение благ на физические и моральные, при помощи чего сам Крузий пытается выйти из вольфианского круга. При этом первые определяются им

⁸ Кант И. Критика чистого разума. С. 474.

⁹ См.: Там же. С. 347–353. Подробнее об этом см.: *Theis R. Kants Theologie der bloßen Vernunft in der «Kritik der reinen Vernunft» // Philosophisches Jahrbuch. 1997. Bd. 104. S. 32–44.*

¹⁰ См.: *Crusius Ch.A. Anweisung vernünftig zu leben. Leipzig, 1767. § 195. S. 332.*

как то, что мы желаем (именно потому, что мы это желаем, мы и характеризуем нечто как благое), тогда как моральные блага – это то, что мы должны были бы желать (хотя и не всегда действительно желаем). Эти последние именуется Крузием также подлинными благами, тогда как первые нередко оказываются мнимыми благами, хотя не исключается также и возможность их совпадения (которая, собственно, и представляет собой идеальный вариант и свидетельствует о подлинной добродетельности). В конечном счете самого Крузия это разделение приводит к рассмотрению Бога и его святой воли, определяющей, что есть благо, которое нам должно желать. Рассмотрение этой крузианской концепции, таким образом, послужило бы еще одной яркой иллюстрацией, подтверждающей мысль автора о том, что признание иерархичности благ последовательно приводит к теонормативной этике (с. 370). Уместно было бы рассмотрение моральной философии Крузия в рецензируемой работе и еще по одной немаловажной причине. Несмотря на малую известность и изученность этого мыслителя сегодня, его вклад в развитие философской мысли XVIII в. сложно переоценить. При более пристальном рассмотрении мы находим у Крузия многие положения, традиционно связываемые сегодня с именем Канта и являющиеся для кантовской этической системы действительно структурообразующими. И прежде всего, это разделение практических предписаний на закон добродетели (моральный закон), отличающийся характером абсолютно необходимого долженствования, и правила благоразумия, зависящие от преследуемых целей и являющиеся, по этой причине, лишь обусловленными. Роднит Канта с Крузием и подход к свободе воли человека. Как и Кант, Крузий утверждал, что если мы и не можем доказать ее наличие, то мы равным образом не можем ее опровергнуть, однако именно сфера морали убеждает нас, что воля человека все же свободна¹¹. Все это и многое другое делает фигуру Крузия заслуживающей особого внимания.

Подводя итог всему вышесказанному, хотелось бы еще раз отметить, что монография «Философия практического разума» является поистине универсальным исследованием, способным заинтересовать самых разных по своим взглядам читателей: любители подискутировать о собственной позиции автора и предлагаемых им решениях насущных проблем философии и общества найдут в этой работе широкий простор и богатый материал для размышлений и полемики, однако не обделенными окажутся и любители истории философии. Кроме того, работа изобилует глубокими замечаниями относительно самого разного рода вопросов (напрямую не относящихся к основной линии рассмотрения, но от этого не менее ценных), например, о зарождении и утверждении понятий «онтология», «аксиология», «философская теология», оправданности (а точнее, ее отсутствии) принятого в России до сих пор термина «немецкая классическая философия», о проблеме различения философии религии и философской теологии, о становлении и самоопределении аналитической традиции и многое другое. А обращение автора к насущным проблемам современных демократических обществ – толерантное отношение к беженцам, заповолившим Европу, гуманное отношение к преступникам, активное распространение (доходящее уже порой до абсурда) феминизма и т.п. – является своего рода «вишенкой на торте»

¹¹ Подробнее о Крузии см.: *Крыштон Л.Э. Мораль и религия в философии немецкого Просвещения: от Хр. Томазия до И. Канта*. М., 2020. С. 187–222.

и делает исследование актуальным со всех точек зрения. Заслуживает упоминания и определенная смелость в суждениях, присущая автору и явно проявляющаяся при формулировании итогового аккорда его работы: «Между тем разрыв прав с этими благами прямо ведет к саморазрушению того общества, для которого право стало средством защиты практически любых потребностей индивида. Цивилизацию, в которой террористы имеют право выигрывать процессы у государства и пользуются тем односторонним правом на жизнь, которое при современном законодательстве “цивилизованных стран” содействует отнятию их у их жертв, а правовая система практически разрушает институт семьи, существенно потесняя и разнополюе отношения в целом, нельзя иначе оценить, чем как суицидальную» (с. 383–384). При этом искрометный стиль автора и обилие жизненных, понятных каждому сравнений и примеров делают исследование доступным не только узкому кругу специалистов, но и более широким слоям населения.

Список литературы

- Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского. М.: Мысль, 1994. 592 с.
- Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. / Под общ. ред. А.В. Гулыги. М.: Чоро, 1994.
- Крыштон Л.Э. Мораль и религия в философии немецкого Просвещения: от Хр. Томазия до И. Канта. М.: Канон+, 2020. 528 с.
- Куренной В.А. Заметки о некоторых проблемах современной отечественной истории философии // Логос. 2004. № 3–4 (43). С. 3–29.
- Шохин В.К. Агатология: современность и классика. М.: Канон+, 2014. 359 с.
- Шохин В.К. Философия практического разума. М.: Владимир Даль, 2020. 421 с.
- Crusius Ch.A. Anweisung vernünftig zu leben. Leipzig: Johann Friedrich Gleditsch, 1767. 946 S.
- Delcomminette S. Le Philebe de Platon: introduction à l'agathologie platonicienne. Leiden; Boston: Brill, 2006. 680 p.
- Salamon J. Agatheology and naturalisation of the discourse on evil // International Journal of Philosophy and Theology. 2017. Vol. 78. No. 4–5. P. 469–484.
- Salamon J. Atheism and Agatheism in the Global Ethical Discourse: Reply to Millican and Thornhill-Miller // European Journal for Philosophy of Religion. 2015. Vol. 4. P. 197–245.
- Theis R. Kants Theologie der bloßen Vernunft in der «Kritik der reinen Vernunft» // Philosophisches Jahrbuch. 1997. Bd. 104. S. 19–51.

Practical philosophy: its past and present*

A review of

Shokhin, V.K. *Filosofiya prakticheskogo razuma. Agatologicheskii projekt* [Philosophy of Practical Reason. Agathological project]. Saint Petersburg, 2020. 421 pp. (In Russian)

Ludmila E. Kryshtop

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). 6 Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russian Federation; e-mail: kryshtop-le@rudn.ru

* The reported study was funded by Mega-grant project “Development of the new methodology and intellectual base for the new-generation research of Indian philosophy in correlation with the main World Philosophical Traditions”, project No. 075-15-2021-603.

The review of V.K. Shokhin's monograph examines the current state of research in practical philosophy. It is noted that practical philosophy today undergoes a deep crisis due the lack of thorough research that would clarify its foundations and structure. The reviewed monograph serves as a timely filling of this apparent gap. The review covers the structure of the monograph, its main ideas, and conclusions to which V.K. Shokhin comes. The positive aspects of the work are examined in detail. Special attention is drawn to the universality and fundamental character of the study, to the scale of the tasks set by the author most of which find their resolution in the course of the study. The thoroughness of the historical part of the study devoted to a discussion of the main representatives of Western philosophy as well as ancient Indian and ancient Chinese philosophical views is emphasized in a special way. Some polemical remarks and wishes regarding the further development of the author's research in this area are expressed. It is noted that the research will be of interest not only to the narrow circle of specialists in ethics but also to a general audience.

Keywords: Shokhin, 'Philosophy of Practical Reason', practical philosophy, ethics, agathological project, good, goods

For citation: Krysh-top, L.E. "Prakticheskaya filosofiya: ee proshloe i nastoyashchee" [Practical philosophy: its past and present], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2021, Vol. 14, No. 3, pp. 174–183. (In Russian)

References

- Crusius, Ch.A. *Anweisung vernünftig zu leben*. Leipzig: Johann Friedrich Gleditsch, 1767. 946 S. Delcomminette, S. *Le Philebe de Platon: introduction à l'agathologie platonicienne*. Leiden; Boston: Brill, 2006. 680 pp.
- Kant, I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. trans. by N.O. Lossky. Moscow: Mysl' Publ., 1994. 592 pp. (In Russian)
- Kant, I. *Sobranie sochinenii* [Collected Writings], 8 Vols., ed. by A.V. Gulyga. Moscow: Choro Publ., 1994. (In Russian)
- Krysh-top, L.E. *Moral' i religiya v filosofii nemetskogo Prosveshcheniya: ot Khr. Tomaziya do I. Kanta* [Morality and Religion in the Philosophy of the German Enlightenment: from Chr. Tomasia before I. Kant]. Moscow: Kanon+ Publ., 2020. 528 pp. (In Russian)
- Kurennoy, V.A. "Zametki o nekotorykh problemakh sovremennoy otechestvennoy istorii filosofii" [Notes on some problems of modern Russian history of philosophy], *Logos*, 2004, No. 3–4 (43), pp. 3–29. (In Russian)
- Salamon, J. "Agatheology and naturalisation of the discourse on evil", *International Journal of Philosophy and Theology*, 2017, Vol. 78, No. 4–5, pp. 469–484.
- Salamon, J. "Atheism and Agatheism in the Global Ethical Discourse: Reply to Millican and Thornhill-Miller", *European Journal for Philosophy of Religion*, 2015, Vol. 4, pp. 197–245.
- Shokhin, V.K. *Agatologiya: sovremennost' i klassika* [Agathology: modernity and classics]. Moscow: Kanon+ Publ., 2014. 359 pp. (In Russian)
- Shokhin, V.K. *Filosofiya prakticheskogo razuma* [Philosophy of Practical Reason]. Moscow: Vladimir Dal Publ., 2020. 421 pp. (In Russian)
- Theis, R. "Kants Theologie der bloßen Vernunft in der 'Kritik der reinen Vernunft'", *Philosophisches Jahrbuch*, 1997, Vol. 104, S. 19–51.